К СОЦИАЛЬНОМУ ГЕНЕЗИСУ ЛИТЕРАТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА И ГРИБОЕДОВА

Литературоведы — завзятые книжники. Литературоведы-книговеды, литературоведы-формалисты представляли литературный процесс идеалистически, как движение от предыдущей книги к последующей, от иностранных книг к русским, от старых русских книг к новым.

Нельзя отрицать «книжную» сторону историко-литературного процесса. Без освоения эстетической традиции, достижений литературного прошлого, без учета ошибок и пробелов у предшественников немыслим художественный рост писателей, движение литературы вперед. Это так. Но здесь только половина правды. Другая половина правды — в том, что книгу творит жизнь. Белинский сказал: «Поэзия — сначала жизнь, потом — искусство». И еще: «Литература это жизнь». Добролюбов добавил: «Не жизнь идет по литературным теориям, а литература изменяется сообразно с направлением жизни».

О соотношении готовой традиции и новых запросов жизни в иной. но родственной области интеллектуального творчества Энгельс писал: «Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в экономических фактах».

Пушкинско-грибоедовский реализм примыкал к достижениям предшественников, но корни его лежали глубоко в жизни. Источник его формирования нужно искать в общественном бытии.

Итак, жизнь первична, книга вторична. Жизнь определила не только содержание, но и творческий метод «Онегина» и «Бориса Годунова», как и «Горя от ума».

В своих работах по Грибоедову мне приходилось выдвигать решающее значение жизни в развитии литературы. Еще в 1922 году я писал: «Вся идеология "Горя от ума", вся его патетика является точным отображением того, что имелось в самой русской жизни перед 14 декабря. И если мы ограничиваем западное, в том числе и мольеровское, влияние на "Горе от ума" влиянием русской литературы, то следует здесь со всей определенностью установить, что влияние литературы, в том числе русской, ограничивается влиянием самой жизни. Грибоедов мог вовсе не знать ни Мольера, ни русской литературы последних десятилстий, и всетаки содержание его пьесы осталось бы таким, каково оно есть. Совершенство языка и драматургической формы, разные тонкости в построении сценария, детали в разработке образов, четкость идейных формулировок от этого, конечно, в какой-то степени проиграли бы, но содержание комедии осталось бы неизменным».²

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 17.
 Н. К. Пиксанов. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. М., 1922.
 См. также: Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристики. М.. 1934, стр. 272.

Не напо понимать дело механически: воздействие жизни на литературу, на художественное произведение не является насильственным вторжением: оно предомляется в творческой личности писателя, оно прохолит через освоение и преодоление им книжной традипии. Степень влияния жизни на писателя, на литературное произведение может быть большей или меньшей. И еще важно то, что в самой жизни могут сосуществовать разнородные факторы, которые каждый по-своему воздействуют на литературу и даже вступают в борьбу между собою за власть над писателем. В этом состоит трудность историко-литературного исслепования.

На изучении Пушкина и Грибоедова книжный подход отзывался весьма неблагоприятно.

Зпесь сказался механический компаративизм с его страстью выискивать в русской литературе «западные влияния», делать автора или произвеление каким-то медиумом идущих отовсюлу внушений. В моих работах о «запалных влияниях» на «Горе от ума» собрано много уродливых фактов этой категории, и здесь нет нужды их приводить.

Была попытка осмыслить творчество Пушкина и Грибоедова через особую литературную группу так называемых «архаистов». Эта конпеппия вызвала веские возражения и ныне оставлена ее сторонниками.

В 1933 году, перед Всесоюзным съездом советских писателей. А. М. Горький говорил: «Нам нужно прежде всего определить, что такое дореволюционный реализм Гоголя, Фонвизина и даже некоторых писателей XVIII века... чем был реализм старой литературы и что такое наш реализм, у которого есть что утверждать и защищать». 3 И вот с тех пор советские литературоведы наново продумывают западные и восточные литературы, фольклор, древнюю русскую литературу, русский восемнадцатый век и т. д. Мы ищем и находим реализм в далекой и близкой литературной старине: в языке, в бытописи, в пейзаже, образах-персонажах, в интимной лирике и пр. Настойчивые поиски нередко приводят к ценным находкам. Однако мы уже начинаем теряться: где же классицизм? где сентиментализм? где романтизм? Все начинает казаться реализмом. Начинают как бы таять целостные прежде стили, системы, стираются грани между школами, группами, направлениями. Системы и стили нереалистические, антиреалистические утрачивают свою историческую и художественную обособленность. Л. И. Тимофеев писал: «Мы не видим в классипизме таких своеобразных путей трактовки жизни, которые бы заставляли определять его как особый художественный метод. В основе он реалистичен».4

Необходимо превозмочь такое состояние.

Когда мы ищем и находим реализм в давних художественных направлениях, необходимо ставить и решать вопрос большой значимости: с чем мы имеем дело — с методом реализма или с элементами реализма. Мы можем находить — и находим — отдельные элементы реализма у Сумарокова, но они там не органичны, не принципиальны, и Сумароков остается классиком. Интимная лирика Жуковского или Батюшкова бывает глубоко правдива, т. е. реалистична, но сентиментальный романтизм этим не снимается. Рылеев остается романтиком, хотя в «Войнаровском» он тщательно воссоздавал (по книгам) географию и этнографию Якутии. Решает вопрос не простое наличие отдельных черт реализма. Вопрос решается пропорцией реалистических элементов и приемов, их организа-

³ «Литературная газета», 1933, № 42, 11 сентября; «Известия», 1933, № 223 9 сентября; ср.: М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27. Гослитиздат, М., 1953, стр. 85.

4 Л. И. Тимофеев. Реализм в русской литературе XVIII века. В кн. Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. Сборник под ред. Н. К. Гудзия

М., 1946, стр. 48.

цией, их функцией, их системой, их целеустремленностью, их зависимостью от общего мировоззрения писателя. В последнем счете вопрос решается тем, откуда и какие новые задания получает художественная литература. Откуда же она их получает? Откуда растет новый реализм Пушкина и Грибоедова?

Здесь возникает проблема генезиса, этиологии, закономерности реализма. Первоначальный вариант предлагаемой статьи намечался мною в работах на тему «Грибоедов и Мольер» в 1922-м, потом в 1934 году; в 1947 году тема была развернута несколько шире в моем автореферате «"Горе от ума" в истории реализма». Однако и здесь дан только краткий очерк работы, еще не приготовленной к печати. В 1949 году была напечатана моя статья «К проблеме реализма в "Горе от ума"». Но, по условиям листажа, тема изложена все же сжато, без полной документации и аргументации; напечатанная в малотиражном и малоизвестном органе, который вскоре прекратил свое существование, статья осталась незамеченной и не вызвала откликов в печати.

За последние четырнадцать лет в научной литературе и у самого автора накопилось немало новых материалов и суждений, которые следовало включить в общую концепцию. Этим мотивируется напечатание предлагаемой работы.

В ней говорится только о Пушкине и Грибосдове; но закономерности литературно-исторического развития, излагаемые здесь, сказываются на всем протяжении истории литературы— на творчестве и Толстого, и Горького, и Шолохова.— конечно, всегда в новых вариантах.

1

Настаивая на том, что Грибоедов является единомышленником и соратником Пушкина в борьбе за реализм, я, разумеется, далек от мысли уравнять двух великих гениев. Гении в своей богатой индивидуальности вообще не уравнимы. Что касается Грибоедова, то после великого достижения реализма — «Горя от ума» — он прожил всего только четыре года, наполненных не столько художественными, сколько политическими трудами, той борьбой, которая привела Грибоедова к гибели. Пушкий прожил после 14 декабря еще полных одиннадцать лет и создал такие реалистические произведения, как «Станционный смотритель», «Капитанская дочка» и многие иные прославленные произведения. Его первенство непререкаемо.

Подчиняясь велениям самой подлинной жизни, требовавшей от писателей понять ее борения, поднимаясь к высоким проблемам реализма, Пушкин и Грибоедов высвобождались из-под власти мелкой кружковщины и фракционности. В 1827 году Пушкин писал: «каюсь, что я в литературе скептик (чтобы не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть». Грибоедов, в молодости ожесточенно полемизировавший по мелочам, впоследствии, закончив «Горе от ума», держался, как и Пушкин, уже иначе. В 1825 году в письме к В. Ф. Одоевскому, воинствовавшему в печати в защиту «Горя от ума», Грибоедов писал, что сочувствует философским и литературным занятиям друга. Но, пишет Грибоедов, «я не разумею здесь Полемических Памфлетов, Критик и Антикритик. Виноват, хотя ты

 6 «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», 1949, вып. 1, стр. 7—24.

 $^{^{5}}$ «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 3, стр. 68-71.

за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше осталось в вечном младенчестве...» ⁷

Нам, литературоведам, необходимо до конца продумать заявление великого родоначальника новой русской литературы, основоположника нового русского реализма Пушкина и его единомышленника и соратника Грибоедова. Мерилом литературного творчества они ставили не теоретические, кружковые споры, а великие требования отечества, запросы самой живой жизни.

Литературоведам привычно, удобно суживать исторический кругозор около Пушкина и Грибоедова ближайшим их политическим окружением, лекабристской и околодекабристской общественностью.

Необходимо понять, что перводвигателем, субстратом идейных исканий и творческих опытов двух гениев русского критического реализма были мысли о народе. Перед ними волновалось великое море народной жизни. Перед их общественным и художественным сознанием незабываемо и неизбывно стоял великий героический подвиг народа, в Отечественную войну отстоявшего от наполеоновских полчищ национальную, государственную независимость и свободу. Но мы должны помнить, что за войной в защиту национальной свободы поднимается война иная, война за социальное освобождение. Эта вторая война не приостанавливалась и в эпоху Двенадцатого года и позже.

Я приведу некоторые, немногие факты.

В декабре 1812 года в Пензенской губернии ополченцы, отнюдь не отказываясь от борьбы с Наполеоном, избили, однако, офицеров и избрали полковника из своей среды. С этого года крестьянские волнения стали усиливаться. С 1813 года по 1825 год произошло 540 крестьянских волнений. Напомню, что в 1816—1819 годах, т. е. несколько лет, происходило волнение — целое восстание — в костромском имении матери Грибоедова. В 1818—1820 годах происходили волнения на Дону и в Екатеринославской губернии; ими было охвачено более 45 тысяч крестьян. Пушкин был свидетелем Екатеринославского восстания. Известны волнения рабочих: в 1822 году — на заводах Баташовых, в 1822—1823 — на уральских заводах Расторгуевых.

Навстречу крестьянским и рабочим волнениям подымались волнения солдат и военных поселян. Шла ожесточенная борьба против военных поселений. В 1816 году казаки на Украине, крестьяне в Новгородской губернии подчинились только угрозам стрелять из пушек. В 1819 году в Чугуевском округе Харьковской губернии произошло восстание военных поселян.

В октябре 1820 года в самой военной столице, в Петербурге, возникло восстание Семеновского полка — событие, оказавшее глубокое влияние на передовое общество. В прокламациях восставших семеновцев-солдат говорилось о «всесильных и гордых дворянах»; о них и о царе писалось: «тиран тирана защищает»; царя и дворян предлагалось взять под крепкую стражу.

В 1821 году В. Ф. Раевский арестован на юге за агитацию среди солдат. В августе 1825 года Сергей Муравьев-Апостол па юге вел переговоры с сосланными солдатами-семеновцами о подготовке к восстанию.

⁷ А. С. Грибоедов, Полное собрание сочпнений, под ред. Н. К. Пиксанова, т. III, Пгр., 1917, стр. 176.

⁸ См: Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Л., 1934; В. А. Закруткин. Пушкип

⁸ См: Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Л., 1934; В. А. Закруткин. Пушкип и Лермонтов. Ростов-на-Дону, 1941.

³ Русская литература, № 2, 1963 г.

14 декабря 1825 года на площадь в Петербурге вышли солдаты Московского и Лейб-гренадерского полков и Морской гвардейский экипаж. В этот день рабочие на стройке Исаакиевского собора, изнуренные рабским трудом и тягчайшими условиями быта, бросали в царя Николая I поленья и камни.

30 декабря 1825 года восставший Черниговский полк занял Васильков под Киевом, 3 января 1826 года произошло новое столкновение восставших с правительственными войсками. Три офицера, шесть солдат и крестьяне в обозе были убиты; 859 солдат и пять офицеров взяты в плен.

Нам надо знать и помнить эти факты. Когда литературоведы хотят осмыслить генезис, закономерность возникновения и развития пушкинского и грибоедовского реализма, они должны учитывать не полемику вокруг каких-то баллад Жуковского и Катенина, не мелкие споры вокруг «Руслана и Людмилы», о чем так много говорят литературоведы, но вот эти грозные сигналы глубокой социальной войпы.

Йменно в таком окружении создавались «Борис Годупов», «Онегин», «Горе от ума». В таких условиях эти великие произведения поступали

на вооружение общественного сознания.

2

Пушкин и Грибоедов умели слушать жизнь и учиться у нее. Конечно, ближе, дольше и глубже учились они у русской жизни. Но оба великих писателя овладевали и поучительными достижениями западной социально-политической истории. Это необходимо учесть.

Для генезиса социально-политических и эстетических воззрений Пушкина необычайно сильным было влияние революционных движений на Западе 20-х годов. Здесь я прежде всего разумею уроки греческого восстания (1821—1829).

Когда вспыхнуло это восстание, оно создало целое широкое общественное движение как на Западе, так и в России — движение филоллинов, друзей греческого народа. На Западе во главе этого движения шел Байрон. А в русском обществе филоллинами были декабристы и их периферия. Из декабристов ближе всего к греческому восстанию был Пестель, но еще ближе оказался Пушкин. Высланный в 1821 году за свободомыслие в Бессарабию и поселившись в Кишиневе, Пушкин сразу оказался в тесном окружении повстанцев, греков и румын. Из личного общения с участниками восстания Пушкин получал многообразные и обширные сведения о его развитии. Переехав потом в Одессу, Пушкин получил возможность наблюдать и изучать движение в ипых аспектах, чем в Кишиневе. Как при этом складывались и изменялись воззрения Пушкина на восстание — это полезно изучить не только для понимания социально-политического мировоззрения Пушкина, но и для понимания его художественного метода. 9

Пушкин с восторгом принял первые известия о восстании. В письме к В. Л. Давыдову, декабристу, в марте 1821 года из Кишинсва, Пушкин писал: «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для пашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу... Восторг умов дошел до

⁹ О греческом восстании см.: С. Н. Палаузов. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859; Н. Свирии. Пушкин и греческое восстание. «Знамя», 1935, № 11, стр. 209—240; Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политическом плане декабристов. В кн. Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; Б. В. Томашевский Пушкин. Кн. I; С. Я. Боровой. Одесса пушкинской поры. В кн.: Пушкин в Одессе. Кишинев, 1958.

высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету— к независимости древнего отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах— везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили о Леониде, об Фемистокле...» 10

Как поэты-декабристы и как другие филэллины, Пушкин в те месяцы, да и позже, воспринимал греческое восстание как целостное, неделимое национально-освободительное движение, как героический порыв борьбы за свободу. Даже и сам он мечтал вступить в греческое ополчение. В 1823 году (или в 1824-м) Пушкин писал тому же В. Л. Давыдову: «Ничто еще не было столь народно, как дело греков...» (X, 98). Пушкин идеализировал, словно национального героя, знатного князя Александра Ипсиланти, офицера русской службы, близкого к царскому двору, возглавившего первые отряды повстанцев. Пушкин мыслил тогда восстание в романтических образах, представлял его как воскрешение древней Эллады. Характерно упоминание в первом письме к Давыдову о Леониде и Фемистокле. В других случаях Пушкин называет еще Мильтиада. Освобожденная Греция мечтается ему чем-то вроде античной Афинской республики.

Склонность романтизировать греческое восстание наблюдается и в политической лирике декабристов, как и у Байрона. Аналогичные явления присутствовали и в литературном движении французской литературы эпохи революции XVIII века; здесь изобилие античных образов и драматических ситуаций дает литературоведам право говорить о тогдашнем «революционном классицизме». У К. Маркса о писателях буржуазной революции говорится: они, «вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории». 11

В стихотворении «Война» (написано в 1821 году) читаем у Пушкина:

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.

(II, 32)

Сказавшееся здесь, как и в других высказываниях Пушкина, политических и поэтических, романтическое понимание действительности не было единоличной собственностью Пушкина; оно роднило Пушкина и с декабристами и с Байроном.

Но случилось так, что романтические филэллинские политические и поэтические мысли и образы Пушкина подверглись скорой и суровой проверке фактами самой жизни, действительности. Перепроверка началась еще в Кишиневе, продолжалась и обострилась в пребывание Пушкина в Одессе.

 $^{^{10}}$ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 22—23. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, стр. 119.

Греческое восстание не оказалось таким целостным героическим порывом борьбы за свободу. Оно затянулось надолго, на целых восемь лет. и окончилось учреждением греческого государства в 1829 году. В этот полголетний промежуток времени раскрылась социально-историческая сложность, противоречивость, внутренняя антагонистичность греческого восстания. В нем участвовали закрепощенные помещиками-феодалами греческие и румынские крестьяне, участвовала и городская беднота. Но в национальной борьбе с турецким игом приняли участие и другие слои населения Греции. Участвовала и греческая буржуазия, арматоры, т. е. владельцы морского торгового флота, господствовавшие на морских путях до Англии включительно. Участвовали и сильные феодалы-помещики, эксплуатировавшие своих же единоверцев и братьев по национальности крепостных крестьян. Наконец, принимали участие в освобофанаристы, дительном движении и так называемые титулованные потомки старой греческой аристократии, жившие в турецкой столице Константинополе, близкие к турецкой правящей верхушке и в социальном и в экономическом отношении. Этот антагонистический состав участников быстро сказался на ходе самого восстания.

Еще в бытность Пушкина в Кишиневе князь А. Ипсиланти столкнулся с вождем румынских крестьян Тудором Владимиреску (ныне чтимым в Румынии как национальный герой). Владимиреску был враждебно настроен против аристократической верхушки, захватившей руководство восстанием; по распоряжению Ипсиланти Владимиреску был схвачен и зарублен офицерами князя.

Греческое крестьянское ополчение выдвигало своих талантливых полководцев. Из них особо выделился Т. Колокотронис, крестьянин по происхождению, прошедший хорошую военную выучку, получивший чин полковника и одержавший ряд блестящих побед над турками. Как и Владимиреску, Колокотронис враждовал с буржуазно-помещичьей верхушкой; дело дошло до вооруженной борьбы между двумя группами.

В интеллектуально-творческой истории Пушкина было несколько этапов, какие проходила мысль поэта. Первым многозначительным этапом была Отечественная война двенадцатого года. Позднее мысль Пушкина пережила острый кризис декабристского движения. Оба эти этапа отозвались не только на развитии социально-политического и исторического мировоззрения Пушкина, но и на его художественном творчестве. То же самое следует сказать и о греческом восстании. Мы видели, как романтически был настроен Пушкин в начале этого патриотического движения. Он горячо его приветствовал и сам был готов принять в нем участие. Восстание он мыслил отвлеченно-героически, в образах античной древности. Но уже в Кишиневе, где на его глазах зарождалось первое движение, Пушкин больше, чем многие другие его соотечественники и единомышленники, мог наблюдать не книжную, легендарную борьбу за свободу, а подлинное конкретно-историческое социально-политическое движение, сложное, противоречивое, порою остро-антагонистическое. Вскоре Пушкин переехал в Одессу, в город большого международного значения, где скрещивались экономические интересы различных стран и национальностей. Издавна Одесса была центром зарождавшегося и растущего национально-освободительного греческого движения. Но этот же город был ареной борьбы и социально-экономических интересов в среде греческого народа; эта борьба здесь порою проявлялась в обнаженной форме, и чутко воспринималась Пушкиным. О новых и сложных впечатлениях Пушкин с предельной откровенностью говорил в своих письмах, по счастью дошедших до нашего времени. Биограф графа И. Каподистрия, В. Теплов, писал: «Своим возрождением Греция во многом обязана жителям островов и приморских городов, обратившим все свои способности на занятия торговлею и сумевшим выступить в роли естественных посредников между торговлею Турции и западных держав... Они так развили свои коммерческие операпии и так разбогатели. что, например в 1815 году, у них было уже 600 судов с 30 000 экипажа. Этот вновь создавшийся класс арматоров и негодиантов, как более образованный и проникнутый преданиями старины, возымел мысль возродить отечество» (цитировано у Н. Свирина, стр. 215). Представителей этой компной греческой буржуазии, как и связанных с нею мелких торговпев. Пушкин наблюдал по приезде в Одессу. От его острого взора не скрылись материальные расчеты и антагонизм, раскалывавшие национальное пвижение в Греции. После героико-романтических кишиневских настроений Пушкин пережил в Одессе острое разочарование, такое острое, что это повлекло поэта к большим преувеличениям и даже несправедливо-О современных Мильтиадах и Фемистоклах он уже говорит в письмах иронически. Наблюдаемых в Одессе греческих куппов он именует лавочниками, в военной организации восстания видит много недостатков, неумелости и т. д. Он против «пышных слов» о восстании. В письме к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 гола Пушкин уже пишет: «О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество» (\hat{X} , 92—93).

И вот последний, суровый итог: «Греция мне огадила».

Следует немедленно же оговориться: в этом суммарном, огульном суждении Пушкин разумел не весь греческий народ, а именно его правящие классы и таким суждением не зачеркивалось все национально-историческое движение. Выше приводились слова Пушкина из письма к В. Л. Давыдову о народности греческого восстания. Еще выразительнее Пушкин пишет в том же письме: «С удивлением слышу я, что ты почитаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когданибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа» (X, 98).

В приведенных разновременных высказываниях и оценках Пушкина нет существенного противоречия. Все дело в том, что понимание вещей Пушкиным было сложнее и глубже. От политического и литературного романтизма Пушкин велением самой жизни переходил к более реалистическому мышлению и творчеству.

Свой ранний политический, а также и поэтический романтизм Пушкин разделял с поэтами-декабристами, горячо откликнувшимися на первые вести о греческом восстании. Здесь уместно вспомнить, что тогда писал В. К. Кюхельбекер. Вот отрывки из его «Греческой песни» (1821):

Уставы власти устарели: Проснулись, смотрят и встают Доселе спавшие народы. О радость! грянул час, веселый час свободы! Друзья! Нас ждут сыны Эллады! Кто даст нам крылья? полетим!

Услышь, судьба, мои молитвы — Пошли и мне, пошли минуту первой битвы! И пусть я первою стрелою Сражен, всю кровь свою пролью, — Счастлив, кто с жизнью молодою Простился в пламенном бою...¹²

 $^{^{12}}$ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. І. «Советский писатель», Л., 1939, стр. 56.

«Спавшие народы», «крылья», «судьба», «молитвы», «стрела», «пламенный бой» — такова характерно романтическая риторика у поэта-декабриста.

В этой поэтической и публицистической фразеологии с Кюхельбекером сближается Пушкин начала 20-х годов. Но характерно, что уже вскоре у Пушкина возникает сопротивление «пышным фразам» и он в письмах к друзьям начинает иронизировать над славяно-русской рито-

рикой Кюхельбекера. 13

В творчестве Пушкина эпохи греческого восстания не отразился полностью констатируемый нами переход от поэтического и политического романтизма к реализму. Из Одессы Пушкин переехал в Михайловское (летом 1824 года) и был, таким образом, оторван от непосредственного наблюдения над греками-одесситами. Оскудели и поэтические отклики Пушкина на восстание. Но наблюдения и размышления над греческим восстанием оставили большой след в духовной жизни Пушкина.

Сложность, внутренняя противоречивость и антагонистичность затянувшегося на долгие годы восстания заставляли Пушкина невольно задумываться над подлинным смыслом освободительного движения. Это помогало Пушкину лучше видеть и понимать подлинную общественную жизнь тогдашней России. Правда, в годы перед 14 декабря в России еще нельзя было наблюдать такой социальной борьбы и противоречий, как это было доступно Пушкину относительно греческого восстания, но чуткой мысли наблюдателя уже становились заметны в русском обществе социально-политическое расслоение и идеологическая рознь. Декабристское восстание раскрыло эту рознь, и для Пушкина стала ощутимой аналогия с тем, что он наблюдал в Кишиневе и Одессе. Катастрофа 14 декабря была не только победой царизма силою верных ему войск, по и торжеством аристократического и среднего дворянства. Поддержку царизм нашел и в русском духовенстве, и в купечестве, и в мещанстве, и в некоторых прослойках уже многолюдной тогда интеллигенции. 14

3

Мерилом литературы Грибоедов ставил отечество, вопросы жизни. Жизнь становилась между прежними книгами и книгой новой и предъявляла свои властные требования новой книге — «Горю от ума». Мне издавна приходилось раскрывать изобилие связей «Горя от ума» с подлинной русской жизнью. В тексте комедии оказалось так много отголосков современности, своеобразной русской бытовой и общественной жизни, что это сразу суживало, отодвигало на задний план вопросы книжных «влияний». Работы позднейших исследователей пополнили мои работы новыми фактами.

Но в наших работах вскрывалась в содержании «Горя от ума» политическая жизнь 20-х годов, патетика декабризма, т. е. мы оставались в границах декабристской литературы, литературы романтической. «Горе от ума» в последнем счете трактовалось как документ гражданской, обличительной, сатирической, декабристской, уже традиционной романтической литературы.

Однако в «Горе от ума» творилось новое искусство — реалистическое, такое же, как и в «Онегине», отринутом декабристской поэтикой.

Новаторство Грибоедова вошло в русскую литературу не без сопротивления. Нечего говорить о классицистах; они встретили «Горе от

 ¹³ О романтизме и реализме поэзии декабристов см.: В. Г. Базанов.
 Очерки декабристской литературы. Поэзия. Гослитиздат, М.—Л., 1961.
 ¹⁴ См.: Н. К. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм (1825—1827).
 «Звенья», сб. II, 1933.

ума» ожесточенным боем. Но и романтики-декабристы восприняли из «Горя от ума» далеко не все то новое, что оно несло напиональному искусству. Они не смогли раскрыть в комедии великие завоевания реализма исихологического и социального. Только однажны — позинее, не в критической статье, а в путевом очерке, как бы невзначай — Грибоедов был назван «поэтом-исихологом». 15 Преданный ученик Грибоедова, писательпекабрист В. К. Кюхельбекер, свидетель ранних работ праматурга над «Горем от ума» с 1821 года, в своем собственном тоглашнем поэтическом творчестве не воспринял реалистического метола Грибоелова.

Что касается «Онегина», другого великого постижения реализма, то в том же 1825 году вокруг него возникла целая полемика, полнятая

в пекабристской среде.

Когда Рылеев и Бестужев узнали, что Пушкин пишет «Онегина», они открыли борьбу за романтическую, байроническую, публицистическую направленность пушкинского романа. Рылеев писал Пушкину 12 февраля: «Онегин, сужу по первой песне, ниже и Бахчисарайского фонтана и Кавказского пленника». 16 Бестужев же в письме от 9 марта сомневается. чтобы Пушкину удалось «оплодотворить тощее поле предмета», т. е. светской жизни, и ставит Пушкину колкий вопрос: «Для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку?.. ты схватил петербургский свет, но не проник в него». И тут же Бестужев воздает великие похвалы Байрону, его «глубокому познанию людей», его сатире. «И как зла, как свежа его сатира!» 17 Пушкин ответил Бестужеву 24 марта 1825 года: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? о ней и помину нет в "Евгении Онегине". У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово сатирический не должно бы находиться в предисловии». И еще: «Никто более меня не уважает "Дон Жуана" (первые 5 песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с "Онегиным"» (X, 131).

Чтобы еще яснее воспринять столкновение двух поэтик, приведу отрывок из письма Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 года: «... кроме поэм, тебе ничего писать не должно», «я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце, а мало ли таких предметов — и они ждут тебя!» 18 Пушкин был тверд в созревших своих взглядах. В письме к брату Льву (январь 1824 года) он пишет об «Онегине»: «это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма» (X, 81). Точным термином Пушкин назвал то литературное направление, какое недружелюбно встретило «Онегина»: романтизм. Ему Пушкин твердо противопоставил свой роман. Но свое новое направление он не смог определить точным термином; этот термин — реализм — еще отсутствовал.

Из замыкавшегося круга романтической литературы Пушкин и Грибоедов выходили на новый путь, путь реализма, психологического и социального. В литературе начинало воссоздаваться иное: социальная и психологическая жизнь.

Исторической особенностью нового, реалистического литературного движения и научной трудностью его осмысления является то, что новый творческий процесс возникал не после 14 декабря, а значительно раньше. Это необходимо продумать.

¹⁵ П. П. Свиньин. Знакомства и встречи на южном берегу Тавриды. «Отечественные записки», 1825, т. XXIV, стр. 130.
¹⁶ В кн.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. АН СССР, 1937,

¹⁷ Там же, стр. 148—149. ¹⁸ Там же, стр. 149.

Пушкин — первый поэт декабризма. «Горе от ума» — документ декабристской литературы. Если бы поворот от декабристского романтизма к социальному реализму, к психологизму совершился в 1826 году, после катастрофы, это было бы легко понять без дальних рассуждений. В марте 1826 года Пушкин писал Жуковскому: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» (Х, 203—204). В ноябре в записке «О народном воспитании» он утверждал, что «люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков», «с одной стороны увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей»; Пушкин призывал «братьев, друзей, товарищей погибших успокоиться временем и размышлением, понять необходимость» (VIII, 42—43).

Но «Онегин» и «Горе от ума» начаты около 1821—1822 годов — за три, за четыре года до 14 декабря, т. е. еще в расцвете декабристского романтизма. «Борис Годунов» начат в 1824 году и закончен в 1825-м — до

14 декабря.

Как же понять раннее выступление реализма в лице двух гениальных писателей? В чем здесь историческая закономерность? Как истолковать генезис этих трех вершинных произведений русской литературы?

При установлении этиологии сложного и глубокого исторического явления следует остеречься одностороннего, узкого истолкования. В большом, сложном явлении еще имеются элементы прошлого, отголоски традиций. Но следует показать, как и почему побеждает в нем новое, булущее.

Для литературоведов-компаративистов-книжников, пожалуй, и самого вопроса не возникает: просто многочисленные старые книги постепенно подготовили те новые книги, которые только продолжили давнюю длинную линию. Ведь признавали же реализм и у Мольера, и у Шекспира, и у Фонвизина. И в позднейшей литературе, в 10—20-х годах XIX века, имелись же проявления реализма, подготовлявшие Пушкина и Грибоепова.

Однако это объясняло бы в «Горе от ума» и в «Онегине», как и в «Борисе Годунове», только традицию, но не новаторство.

В неисчерпаемом море мировой литературы всех времен и народов всегда найдутся любые стили и приемы. Шекспир существовал в XVII веке, но вот позднейшие французские драматурги не хотели у него учиться. Мощный реализм проявился у Фонвизина, но вот ни Жуковский, пи Карамзин не захотели ему следовать. Одновременно с реалистами Диккенсом и Теккереем творил романтик Гюго.

Традицию русской сатирической прозы XVIII века продолжили романисты А. Измайлов и В. Нарежный; традиции бытовых купеческих пьес екатерининского времени передал в александровское время драматург П. Плавильщиков. Однако эти три реалиста-прозаика оказались инородны и не включились в магистральную колею русской литературы. После Отечественной войны 1812 года старый, накопленный с XVIII века реализм был отодвинут в сторону, и столбовая дорога литературы оказалась занята декабристским романтизмом.

Декабристский романтизм вырос из Отечественной войны, так же как и политический декабризм. Борьба с Наполеоном за национальную свободу переросла в борьбу с самодержавием за политическую свободу. Заслуги народа в борьбе за освобождение родины требовали освобождения его от крепостной зависимости, т. е. социального освобождения.

Самой жизнью были выдвинуты две основные темы декабристской гражданской поэзии: против абсолютизма и крепостничества; к ним присоединилась третья, производная от первых двух: новое призвание и долг поэта. Свобода, тиран, временщик, вельможество, гражданское по-

рабощение, национальное унижение, политическое возмездие, историческая героика, патриотизм, гражданский долг, честь, подвиг, гражданская жертвенность; порабощение народа, крепостничество, агитки-призывы к низвержению рабства; поэзия как орудие борьбы за свободу, поэт — гражданин и трибун — вот мотивы декабристской поэзии.

Это был декабристский поэтический романтизм.

Но пекабристы были романтиками не только в поэзии, но и в политике. Они не учитывали социальную силу, поддержавшую политическую реакцию — крепостническое дворянство. Им оставалась неясна «сила вещей», «необходимость» (беру пушкинские определения), неясна пиалектика социально-политической борьбы, закономерность исторического развития. Из Отечественной войны декабристы вынесли как самое основное мысли о народе, о народном благе, о долге перед наролом. о борьбе с врагами народной свободы. И все же декабристы были «страшно далеки от народа». Они пугались народной революции, они думали завоевать свободу для народа без его участия, средствами военного переворота. Они надеялись сломать деспотизм и крепостничество героическим усилием немногих самоотверженных энтузиастов. Они идеализировали прошлое, они в настоящем преувеличивали или преуменьшали борющиеся силы. Ведь Рылеев считал, что «стоит повесить вечевой колокол» и народ восстанет, «ибо народ, в массе его, не изменился, готов принять древние свои обычаи и сбросить иноземные».

Это был декабристский политический романтизм.

1

Но была еще и декабристская драма, не литературная, а подлинная историческая драма целого революционного движения. Суть ее определена словами Ленина: «Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа». 19

Было бы упрощением и ошибкой утверждать, что самим декабристам был совершенно недоступен реалистический взгляд на положение вещей. Летом 1823 года французские интервенты вступили в Мадрид, и испанская революция была подавлена; будучи военной революцией, она не опиралась на поддержку народных масс. В ноябре в Каменке декабристы собрались для обсуждения исхода испанской революции; обсуждали, что сделать, чтобы «не следовать дурному примеру Испании и оградить себя от возможности неудачи». В 1824 году Сергею Муравьеву-Апостолу писал его брат Михаил о ненадежности военного переворота: «возможно ли привести в движение такими машинами столь великую инертную массу? Наш образ действий, по моему мнению, порожден полным ослеплением». Приступы сомнений испытывали и А. Бестужев, и Рылеев, и Пестель. В ноябре 1825 года Пестель склонялся к трагическому решению: явиться к царю с повинной и убедить его даровать России те уложения и права, каких декабристы собирались добиваться насильственными средствами.

Пестель, конечно, не осуществил этого решения. Для него и для других ведущих деятелей тайных декабристских организаций уже не было иного выхода, как продолжать начатое.

Над социальным сознанием и самочувствием декабристов тяготела еще и та мысль, что возможна вспышка низового, крестьянского или солдатского кровавого восстания, которое необходимо предупредить. Скептически настроенный декабрист Николай Бобрищев-Пушкин, не веря в удачу военной революции, считал, что для тайных организаций и та цель уже хороша, чтобы в случае нужды не оставить действовать

¹⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

какую-нибудь нестройную толпу. С этим соглашался и Пестель: «ведь все же равно, должно же произойти что-нибудь, лучше же быть загодя и в порядке к этому готовым». 1825 год был для Пестеля — как и для некоторых других декабристов — годом тяжелого кризиса: «...я предметы начал видеть несколько пначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь». Порою, однако, в борьбе с новым, реалистическим пониманием вещей вспыхивала привычная романтическая мечта о счастливом перевороте, и тогда Пестель, как и Рылеев, как и другие, «в разговорах иногда воспламенялся еще...»

Политический романтизм, в стихии коего возникали и действовали декабристские организации, с трудом и с замедлением сменялся у ведуших пеятелей проблесками политического реализма. Но на периферии декабризма, среди людей, сочувствовавших революционным идеям, однако не полчиненных заговорщической дисциплине, неверие в осуществимость революнии в условиях тогдашней русской действительности зарождалось и возрастало. В моих прежних работах я собрал немало фактов, свилетельствующих об этом; позднее другие исследователи присовокупили сюла новые данные. Нет нужды здесь подробно их перечислять. Следует лишь сказать, что скептицизм питался не только наблюдениями над русской жизнью и над деятельностью декабристских организаций, но и сведениями из газет, журналов, книг, переписки — о возникновении, ходе и исходе революционных движений на Западе. Исход был печальный: революционные восстания одно за другим подавлялись, наталкиваясь на мощное сопротивление правительств, организованных в Священный союз, и правящих классов, не имея поллержки в народных массах.

Как глубоко захватывали эти события передовых русских людей, всего нагляднее проследить на Пушкине. В Кишиневе и Одессе он с великим волнением наблюдал, как гибли западные революционеры, бессильные без поддержки народа. А у себя на родине, там же, на юге, он видел, как сильны бывали стихийные народные крестьянские восстания (например, Екатеринославское, 1820 года) и как они тоже кончались катастрофой без планомерной организации, без необходимой политической сознательности, без поддержки передовых революционеров. Для Пушкина обострялась и углублялась проблема народа — в историческом прошлом, в современной социально-политической борьбе. Обреченность народных восстаний, лишенных организованности, и революционных переворотов, лишенных поддержки народа, создавала для Пушкина целую драму безвыходности, той «тоски внезапной», о которой он сказал (1824). В начатой Пушкиным в конце в стихотворении «Демон» 1821 года политической трагедии «Вадим» на сообщение Рогдая, что порабощенный народ Новгорода ропшет и ожидает Вадима. Вадим отвечает:

Безумные! Давно ль они в глазах моих Встречали торжеством властителей чужих И вольные главы под иго преклоняли? Изгнанью моему давно ль рукоплескали?.. Теперь зовут меня, — а завтра, может, вновь. Неверна их вражда! неверна их любовь! Но я не изменю...

(V, 489-490)

Этот монолог, полный горьких сомнений в твердости народа в борьбе за свободу, перекликается со стихотворением «Сеятель» (1823), где имеются всем известные стихи, которые и ныне так горько и тяжело перечитывать:

Паситесь, мирные народы! Вас не разбудит чести клич. К чему стадам дары свободы?.. В 1824 году написано не менее мрачное, пессимистическое стихотворение «Недвижный страж дремал...», где поэт вспоминает, как еще недавно «Европа свирепела», «Неаполь восставал», за Пиренеями «судьбой народа уж правила свобода».

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?

И поэт вкладывает в уста северному деспоту, царю Александру I, высокомерные слова:

Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу — Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии, Целуйте жезл России И вас поправшую железную стопу

(II, 176)

Мотивы скептицизма, пессимизма в те годы слышатся у многих русских литераторов, в том числе и у Рылеева и у Н. М. Языкова, особенно в двух его элегиях 1824 года. В этих искренних и горьких стихах сказались — в обостренных, гиперболизированных формулировках — две идеи, волновавшие и Пушкина: «адская сила самовластья», «железная стопа» царизма и политическая непробудность народа, его «покорность вечному ярму».

От Грибоедова до нас не дошло прямых высказываний публицистических или поэтических о соотношении революций и народных масс у нас и на Западе. По биографическим материалам известно, что он хорошо знал о революционных западных движениях начала 20-х годов — своевременно, еще на Кавказе и в Персии, не только из иностранной печати, но также из общения с лицами, приезжавшими из Западной Европы, начиная с В. К. Кюхельбекера. С русским народом, с русскими солдатами, т. е. мужиками в серой шинели, Грибоедов сближался еще со времен Отечественной войны. Глубину социальной драмы крепостничества Грибоедов не мог не передумывать в 1816—1819 годах, когда в костромской вотчине его матери вспыхнуло и длилось восстание крепостных.

Тревога за роковой разрыв между народом и передовым обществом сказалась в известных словах Чацкого:

... чтоб умный, бодрый наш народ, Хотя по языку нас не считал за немцев

Политический скептицизм Грибоедова, его неверие в осуществление политического переустройства силами военного заговора донесены до нас рассказами мемуаристов и показаниями на следствии декабристов.

О политическом скептицизме Грибоедова я писал в 1907 году, потом в 1911 году. Сначала это излагалось мною просто как характерный факт, а позже осмыслялось как черта умеренности политических взглядов Грибоедова, отразившейся, по моему мнению, на эпизоде с Репетиловым. Позднее Б. В. Томашевский собрал данные о скептицизме Пушкина и связал их с размышлениями поэта над неудачами западных восстаний; эти данные использовались им в анализах цикла стихотворений Пушкина (например, «Сеятель»).

Ни один из биографов Пушкина и Грибоедова не связал своих наблюдений над их скептицизмом с вопросом о развитии их художественного реализма.

Между тем здесь — тесная связь.

Декабристы были романтиками в политике; они стали романтиками в литературе.

Пушкин и Грибоедов были скептиками в отношении к осуществимости революционного переворота силами дворянства без участия народа. Глубоко пережив итоги европейских революций и русских крестьянских движений еще в самом начале 20-х годов, оба поэта вступили на новый путь мышления и творчества. Они не остановились на бесплодном скептицизме. «Скептицизм во всяком случае только первый шаг умствования», — сказал Пушкин в 1827 году (отрывок о Вольтере). От политического скептицизма поэты переходили к политическому реализму.

Это — чрезвычайно важный момент в интеллектуально-творческой

истории Пушкина и Грибоедова.

В осмыслении этого момента нам помогут высказывания Ленина о Герцене. Герцен пережил острый кризис, целую духовную драму в результате крушения революции 1848 года. Ленин писал: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела». И дальше: «У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий "надклассового" буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата». «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции». 20

Сказанное Лениным о скептицизме Герцена применимо, думается мне, к Пушкину и Грибоедову. Их скептицизм в начале 20-х годов был параллелен общеевропейскому идеологическому кризису. Кстати сказать, этот кризис захватил и Байрона; начавшееся в Европе революционное движение он называл в 1820 году «вторым расцветом свободы» (после французской революции), но позднее испытал, как и Пушкин. разочарование в результате катастроф восстаний в Испании, Италии, Франции. Не вина, а беда Пушкина и Грибоедова, что они не видели революционного народа в России в 20-х годах. Но в их чутком, глубоком социально-политическом мышлении политический скептицизм не стал безысходным пессимизмом; он был переходом от надежд на военный переворот — ради народа, но без народа — к сосредоточенным размышлениям о самом народе, о его нераскрытых силах, о его борьбе за свою политическую и социальную свободу, о его будущей победе над крепостничеством и царизмом. Скептицизм не затормозил, а стимулировал движение вперед сопиального мышления Пушкина и Грибоелова. Это было преодоление декабристского романтизма в направлении к со циальному реализму.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку.

Осмысляя возникновение реалистического миропонимания у Пушкина и Грибоедова в условиях созревающей катастрофы декабризма, надо быть сугубо осторожным, чтобы не сбиться на житейский реализм, на политический оппортунизм, на приспособленчество. Такой житейский «реализм» может сочетаться в искусстве не с глубоким художественным реализмом, а с натурализмом, сентиментализмом и т. п.

Необходимо еще учесть, что отход от декабризма до 14 декабря в области идеологической наблюдается в кругу так называемых «любомудров», московской группы дворянских литераторов, собиравшихся вокруг альманаха «Мнемозина». Начавшийся здесь отход от боевого революционного декабризма был отход в сторону, путь вправо, в аполитичность, в религиозно-философский идеализм, в новый, по существуреакционный романтизм.

²⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10, 11, 14.

Борцы за реализм Пушкин и Грибоедов не пошли по этому пути. Их путь был путь вперед от ограничений декабристского романтизма к углублению реалистического мировоззрения, к углублению художественного реализма, к углублению народности.

В их переходе от политического скептицизма к политическому и поэтическому реализму необходимо раскрыть посредствующее звено. В своем движении вперед Пушкин и Грибоедов, как на маяк, ориентировались на народ.

С. М. Петров сделал ценное наблюдение: «В декабристской литературе нет изображений восстания крестьянства. Рылеев в своих "Думах" не коснулся ни Разина, ни Пугачева». А вот Пушкин не только коснулся Разина, но Пугачева сделал героем и своего исторического исследования, и художественного изображения. Народные движения, о коих говорил я выше, глубоко вошли в сознание Пушкина. Его творчество шло под знаком народности. 22

Мы, литературоведы, присвоили себе этот термин: «народность». Но мы должны понять и помнить, что термин «народность» не литературный, не философский, а прежде всего и больше всего политический и социальный термин. Он приходит в литературу и литературоведение от жизни.

Как и Грибоедов, Пушкин был полон надежд на народ, на его силы, на его будущее. Пушкин сберег в себе исторический, социальный оптимизм.

Именно вера в «умный, бодрый наш народ» была тем звеном, которое связало политический скептицизм Пушкина и Грибоедова с их политическим и поэтическим реализмом.

Теоретически и практически возможен был отход в другую сторону. В. И. Ленин указывал, что в иную эпоху (после 1905 года) скептицизм и пессимизм становились формой «перехода от демократии к либерализму». ²³ Но Герцен, пережив в июльские дни 1848 года гибель прежних революционных надежд и верований, сумел вырвать с корнем «отроческие упования», отдал их «под суд неподкупному разуму», избрал «несчастье знания» — и вышел на новую, широкую дорогу.

Вышли на новую, широкую дорогу и Пушкин и одновременно с ним его единомышленник Грибоедов.

От скептицизма через социально-политический реализм для них был закономерным переход к реализму художественному.

5

Перед Пушкиным и Грибоедовым вырастала огромная творческая проблема: отрешаясь от романтической отвлеченности и ограниченности, изучить, понять и изобразить реалистически человека и общество в их объективном бытии и развитии, в их статике и динамике. Отсюда начинается для обоих великих поэтов отход от поэтики декабристов, выход на новый, широкий путь. В «Онегине» этот отход был для декабристовлитераторов заметнее, ощутимее, чем в «Горе от ума», хотя, по существу, Грибоедов был единомышленником Пушкина.

Грибоедов создал первый и блестящий опыт психологической драмы. «Горе от ума» никак нельзя свести к «комедии характеров». Но комедия Грибоедова несводима и к «комедии нравов», к бытовой комедии. В изображении московских нравов осуществился в полном расцвете тот

²¹ Историко-литературный сборник. Гослитиздат, М., 1947, стр. 140.

 ²² См.: Н. К. Пиксапов. Пушкин и народ. «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 6.
 ²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

бытовой реализм, который сказывался еще в первых пьесах Грибоелова Опнако фамусовская Москва не является только рамкой для психологической драмы. Наоборот, интимную драму Чацкого — Софыи мы осмысляем как следствие драмы общественной, социальной.

Необходимо четко различать элементы реализма: бытовой, нравоописательный и социальный. 24 Бытовой реализм культивировался в те времена в легкой комедии Шаховского, Загоскина, Хмельницкого. Социальный реализм осуществлен в «Горе от ума», в «Борисе Годунове». Сделаю одну оговорку. Наши литературоведы охотнее всего пишут

об инпивидуальных образах, отдельных персонажах. Однако образы мо-

гут быть не только индивидуальные, но и коллективные.

Типичность, социально-историческая значимость коллективных образов порою глубже, чем образов индивидуальных. В «Мертвых душах» даны прославленные индивидуальные образы-характеры: Чичиков, Манилов. Собакевич. Плюшкин, Коробочка, Йоздрев. Но там же дан коллективный образ огромной социальной и художественной значимости: образ губернского города. В отличие от литературы классицизма новая русская реалистическая литература во главе с Пушкиным и Грибоедовым ставила важную задачу: не только создать тот или иной характер-тип, но и включить его в социальное окружение, раскрыть его происхождение, подчинить его законам общественной борьбы. Ведь именно это новое творческое задание, созревавшее в условиях преддекабрьской русской жизни. и отличает новый русский реализм от декабристского романтизма (и от бытовой комедии того времени).

Противостояние Чацкого и Москвы — это не контраст высокой личности и скудной бытовой среды. Это — столкновение дряхлеющего, по еще сильного крепостнического барского мира с новыми людьми, новым, идущим на смену миром, который мы назовем демократическим. Подчиняясь запросам самой общественной жизни, геппальный праматург. наряду с великолепными индивидуальными психологическими образами, создает еще один монументальный образ: социальный образ крепостнического барства.

На балу у Фамусова столкновение двух общественных групп изображено Грибоедовым с замечательной силой реализма.

После того как г. г. Н. и Д. и Загорецкий разнесли по комнатам слух о сумасшествии Чацкого, на сцену, в гостиную собираются десятки гостей и возникает под руководством Фамусова как бы летучий митинг — целый суд над Чацким. Все отшатываются от Чацкого, осуществляя своеобразный бойкот.

Суд над Чацким и его единомышленниками — кульминация социальной драмы, огромное достижение русской реалистической драматургич. В 1824 году, когда Грибоедов изображал эту вражду двух общественных групп, он еще не знал, как дружно и злобно реакционные круги дворянского общества будут поддерживать в 1826 году царское правительство в его жестокой расправе с восставшими и побежденными декабристами.²⁵ Но автор «Горя от ума» гениально предугадывал это. Если старуха-барыня требовала отправить Чапкого в солдаты, то Фамусов, не колеблясь, заявляет: «давно дивлюсь я, как его никто не свяжет».

Высоко ценил историзм реалистического метода Грибоедова Л. И. Писарев: «... чтобы нарисовать историческую картину, надо быть пе только внимательным наблюдателем, но еще, кроме того, замечательным мысли-

«Звенья», сб. II, 1933.

 ²⁴ Об элементах реализма подробнее см. в моей работе «Драматургия "Горя от ума"» в сб. «Горе от ума» (М., 1947).
 ²⁵ См.: Н. К Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм (1825—1827).

телем; надо из окружающей вас пестроты лиц, мыслей, слов, радостей, огорчений, глупостей и подлостей выбрать именно то, что сосредоточивает в себе весь смысл данной эпохи». ²⁶

6

Именно в социальном реализме сказалось всего явственнее влияние на «Горе от ума» реализма политического. В «Горе от ума» как в социальной драме воссоздано борение социальных сил в русском обществе перед 14 декабря. Драматург-реалист проявил не только глубокое понимание связей прошлого с настоящим, зависимости характеров от окружающей среды, но и предвидел ближайшее будущее, обусловленное соотношением борющихся в настоящем сил. При этом борьба осмыслялась и раскрывалась Грибоедовым не только как политическая борьба реакционного правительства с оппозиционными кругами, а как борьба социальная, внутри самого общества — между косным, крепостническим старым барством и передовой группой демократически настроенных новых людей.

Всем этим «Горе от ума» отграничивалось от декабристской литературы с ее романтическим методом и мировоззрением, становилось на новый путь литературного движения— реалистический.

Декабристы энтузиастически приняли «Горе от ума», и они имели все основания считать комедию прекрасным документом своей декабристской литературы. Они восприняли пьесу как политическую сатиру, как обличительную дидактику. Но восприняли ли декабристы социальную драму Чацкого? Как отнеслись они к ходу и исходу изображенной в «Горе от ума» борьбы социальных групп? К раскрытию злобных сил реакции? К победе крепостнического барства над прогрессивными, демократическими силами? К тому прогнозу, какой ставил драматург: на ближайшем этапе борьбы Чацкие будут сломлены Фамусовыми и Скалозубами?

Зная настроение декабристов в 1823—1825 годах, мы вправе думать, что многие из них, читая «Горе от ума» в рукописных копиях, сближали свою судьбу с судьбой Чацкого в фамусовской Москве.

В подтверждение этого приведу признание одного декабриста. В своих «Записках» декабрист Н. В. Басаргин пишет: «Перед женитьбою моею я открыл будущей жене своей, что принадлежу к тайному обществу, и что хотя значение мое в нем неважное, но не менее того может и со мной последовать такое бедствие, которое ей трудно будет переносить. Она отвечала мне, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах, или в хижине, в Петербурге при дворе, или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова. Этот ответ успокоил совершенно мою совесть».

Но потом тревоги возобновились. Басаргин продолжает: «Помню, что однажды я читал как-то жене моей только что тогда вышедшую поэму Рылеева "Войнаровский" и при этом невольно задумался о своей будущности. — "О чем ты думаешь?" — спросила она. — "Может быть, и меня ожидает ссылка", — сказал я. — "Ну, что ж, я так же приду утешать тебя, разделить твою участь. Ведь это не может разлучить нас, так об чем же думать?" — прибавила она с улыбкой. Воображал ли я тогда, что чрез несколько месяцев она будет в земле, а я чрез полтора года в Сибири?» ²⁷

Свою политическую обреченность многие декабристы сознавали со всею ясностью.

 ²⁶ Д. И. Писарев, Сочинения, т. III, Гослитиздат, М., 1956, стр. 360.
 ²⁷ Записки Н. В. Басаргина. Редакция и вступительная статья П. Е. Щеголева. Пгр., 1917, стр. 34—35.

Однако необходимо напомнить, что те же декабристы в 1825 голу распространяли списки «Горя от ума» в столицах и в провинции. Это знаменательно. Это означало, что декабристы не придавали основному. последнему смыслу «Горя от ума» пессимистического значения. И нам. литературоведам, необходимо остеречься той ошибки, будто скептицизм Грибоедова есть пессимизм. Такое смешение не раз обнаруживалось в грибоедовской специальной литературе. В 1914 году В. В. Сиповский пишет: «Чапкий уйлет от людей.

> Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок! Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, Где оскорбленному есть чувству уголок! —

восклицает он. Но где же для него спасенье? .. "Где же лучше?" — спрашивает его Софья и слышит в ответ безотрадное: "где нас нет". — Слова эти характерны. В них разочарование не в одной только Москве, а в человечестве вообще». 28 В 1940 году В. Н. Орлов приписывал Чацкому чувство «безысходного пессимизма»: «пронизывающая образ Чацкого ипея трагической обреченности умного и благородного человека обусловлена Грибоедовым социально, дана как следствие определивших это явление общественных условий». 29 Здесь коренная, крупная историческая и психологическая ошибка. Герцен думал иначе. В статье «Еще раз Базаров» он писал: «Чапкий шел прямой дорогой на каторжную работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверно не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом». 30 В этих словах отвергается попытка истолковать Чацкого как раннего лишнего человека.

Так же ошибочно толковать расширительно, в смысле байронической «мировой скорби», стихи Рылеева:

> Не сбылись, мой друг, пророчества Пылкой юности моей: Горький жребий одиночества Мне сужден в кругу людей.³¹

Необходимо отличать скептицизм от пессимизма. Рылеев испытывал скептицизм (и даже острые припадки пессимизма), но это относилось к ближайшим, временным обстоятельствам. В основном же Рылеев был оптимист, так как верил в будущее освобождение ролины. В «Исповели Наливайки» он писал:

> Но где, скажи, когда была Без жертв пскуплена свобода?

А Михаилу Бестужеву он говорил: «каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России».

Рядовой декабрист М. Паскевич в одном стихотворении пишет (пофранцузски):

> В самой смерти нет для нас ничего ужасного. И если мы погибнем под обломками трона, Мы все же вповь оживем для бессмертия, И потомство, охраняющее нашу славу. Оплакав нас, сбережет нашу память.

Л., 1940, стр. 12.

²⁸ В. В. Сиповский. Лермонтов и Грибоедов. Трагедия личности в русской литературе 20—30-х годов. Пгр., 1914, стр. 53.

²⁹ См. предисловие В. Н. Орлова в кн.: Грибоедов. Сочинения. Гослитиздат,

³⁰ А. Й. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. ХХ, кн. I, Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 342. 31 К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Л., 1934, стр. 303.

Потомство сберегло память декабристов. В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал: «Мы гордимся... что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов». За Ленин раскрыл огромное значение декабристов в истории русского революционного движения. Временное поражение не обозначает ошибочности или бесплодности выступления. И когда идет речь о политическом романтизме декабристов, этим опровергается не сама цель движения, а только те средства, какие применялись для ее осуществления. По меткому слову Герцена, декабристам на Сенатской площади не хватало народа. Мы не сомневаемся, что Пушкин, случись он 14 декабря 1825 года в Петербурге, был бы в рядах декабристов. Вероятно, так же поступил бы и Грибоедов.

Грибоедов был скептик — больше, чем Рылеев; он испытывал острые приступы пессимизма (особенно в 1826 году). Пессимистические настроения Грибоедова ярко сказались в его статье «Загородная поездка», опубликованной в «Северной пчеле» 26 июня 1826 года, т. е. вскоре после освобождения из-под ареста по делу декабристов. В статье Грибоедов рассказывает о поездке из Петербурга в Парголово на народный праздник. Здесь он жадно наблюдал народные обычаи, увеселения и самый характер народный. В хоре мальчиков ему особенно понравились «лвух из них смелые черты и вольные движения». И дальше: «Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами». 33

Здесь характерно сказалось то соотношение социальных групп русского народа, о котором Ленин в применении к дворянским революционерам — декабристам сказал: «страшно далеки они от народа».

Но Грибоедов в основном оптимист, и это ярко отразилось на «Горе от ума», на Чацком. Автор и Чацкий внушают нам любовь к гармоническому, свободному человеку с его правом на счастье, с его тяготением «к искусствам творческим, высоким и прекрасным», с его жаждой «в науки вперить ум, алчущий познаний», с его стремлением ко всестороннему развитию способностей и сил. Автор верит в эти силы и в их конечную победу над внешним гнетом. Он сочувствует человеку в его борьбе за «свободную жизнь». У него целый культ разума. Он полон оптимизма.

Вряд ли необходимо говорить здесь подробно об оптимизме Пушкина. В нашем научно-историческом сознании пушкинский оптимизм непререкаем. Пушкин сам отталкивался от байронической «мировой скорби». Герцен сказал, что Пушкин знал «все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, какой человек Запада уже лишился».³⁴

³² В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 85.

³³ А. С. Грпбоедов, Полное собрание сочинений, под ред. Н. К. Пиксанова, т. III стр. 146—147

т. III, стр. 116—117.

³⁴ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, стр. 203.

⁴ Русская литература, № 2, 1963 г.

Как мыслители-реалисты, Пушкин и Грибоедов не закрывали глаз на сложную социальную борьбу в русском обществе; вдумываясь в нее, они предвидели и потом увидели поражение декабристов и победы реакционных сил. Но стихийный реализм исторического мышления подсказывал им, что надо ориентироваться на те социальные силы, которым предстоит развитие в будущем.

На кого же ориентировались Пушкин и Грибоедов? На народ, на

«умный, бодрый наш народ».

Переживши полосу политического скептицизма в отношении к декабристскому движению, Грибоедов уже не мог мыслить народа и его участия в политической борьбе в формулах и образах декабристской романтики. Однако проблема народа только поставлена, но не раскрыта в «Горе от ума». Грибоедов глубоко осознавал ее трудность и сложность. В позднейших произведениях — «1812 год», «Радамист и Зенобия», «Грузинская ночь» — он вновь и вновь подходил к ней с разных сторон. Порою он даже возвращался к прежнему романтическому приему. Но «Горем от ума» Грибоедов совершил огромное завоевание: он применил метод социального реализма.

В борьбе за новое качество национальной литературы, за реализм Грибоедов был единомышленником и соратником Пушкина. Поразительны одновременность и творческий параллелизм «Горя от ума» и «Онегина». Не могу здесь вдаваться в подробности. Отмечу только, что реализм психологический раскрыт в романе шире, разностороннее, чем в комедии. Но реализм социальный разработан у Грибоедова острее, сильнее, чем у Пушкина. Отличие «Горя от ума» заключается в том, что социальная жизнь дана не в статике, а в динамике, в борении антагонистических сил. В «Онегине» драма Евгения—Татьяны еще не осложняется драмой общественной; общественная жизнь лишь обрамляет интимную драму. А в «Горе от ума» общественная борьба разгорается, захватывает всех, в нее волей-неволей вовлекается даже Софья. В разработке социального реализма драматург пошел дальше романиста.

Это не в умаление Пушкина. Ведь одновременно с «Горем от ума» писался «Борис Годунов», где поставлена огромная проблема социально-исторического реализма.

«Борис Годунов» был задуман и писался в годы расцвета декабристской, романтической литературы. Интерес к историческому прошлому, мысли о народе роднят драму Пушкина с декабристской литературой, в частности — с поэмами и пумами Рылеева.

Однако общеизвестно строго критическое отношение Пушкина в 1825 году к думам Рылеева. Его возражения в основном сводятся к нереальности, к абстрактности творческого метода Рылеева. Как далеко расходится реалист Пушкин с романтиком Рылеевым в 1825 году, показывает сравнительное изучение думы Рылеева «Ермак» и отношения к этой думе (и вообще к думам Рылеева) и к задачам создания собственной поэмы на ту же тему Пушкина. 35

«Борис Годунов» создан иным методом, в ином мировозэрении — реалистическом.

Пушкин ставит проблему закономерностей, каким подчинена жизнь государства и народа. Пушкин чутко воспринимает сложность, антагонистичность социально-политических отношений, он понимает их как со-

³⁵ См.: Н. В. Цейтц. К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке». В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии, № 4—5, 1939. Ср.: Н. Н. Степанов. Пушкин и Север. «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 6.

циальную борьбу. Он видит зависимость поведения человека от социально-исторических условий. Пушкин ставит проблему взаимоотношений власти и народа; народу он уделяет огромное внимание. Пушкин говорит о «мятежности» народа. Он в полную меру оценивает социальное значение для закрепощаемого народа отмены Юрьева дня, он понимает ту народную «потеху», какая угрожает вспыхнуть, если народу посулить восстановление Юрьева дня.

Зоркость драматурга такова, что он отчетливо видит структуру старого московского общества. Он говорит и о родовитом боярстве, и о местничестве, и о служилом дворянстве, и о своеобразном положении казачества. Он учитывает и внешнеполитические силы в исторической борьбе. В сцене в доме Шуйского четко раскрываются враждебные Москве силы, поддерживающие Самозванца: московские эмигранты в Литве, польский король, паны, латинские попы.

Современная советская историческая наука с большой полнотой изучала ту эпоху, которая прежде тенденциозно именовалась «смутным временем» и которую теперь мы мыслим как эпоху крестьянских войн и польско-шведской интервенции. Глубоко раскрыто основное явлепие социально-экономической истории: закрепощение крестьянства. Подробно изучены восстания конца XVI — начала XVII века: Косинского, Наливайко, Хлопко, Болотникова, сибирских остяков, народов Поволжья. Проанализирован социальный состав восставших: крестьянство, мелкое дворянство, южное казачество. Царь Борис понят как дворянский царь — со всеми особенностями своей социальной политики и тактики. 36

Многое из того, что знают теперь советские историки об эпохе крестьянской войны, было просто недоступно, неизвестно Пушкину. И даже вооружась такими знаниями, обогащенные методом и мировоззрением исторического материализма, советские историки не могут не признать социально-историческую реалистичность мышления автора «Бориса Годунова».

Смелость, новаторство, реализм и народность Пушкина-драматурга раскрывают его творческие суждения о драме народной и книжной — суждения, которым не перестаешь дивиться: «... народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество... Мы захотели бы придворную, сумароковскую трагедию низвести на площадь — но какие препятствия! Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расиновой, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек? Как ей перейти от своего разговора, размеренного, важного и благопристойного, к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия, как обойтись без правил, к которым она привыкла... где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца...» (VII, 216—217).

Однако «Борис Годунов» знаменует только начало восхождения Пушкина к высотам реализма. Ведь с 1825 года предстояло еще продолжение и завершение «Онегина». В 1827 году Пушкин создает «Арапа Петра Великого» с темой о мятежном стрельце. В 1830 году — «Станционного смотрителя», новое и смелое завоевание социального реализма; тогда же — «Историю села Горюхина». В 1832-м — «Дубровского». В 1833-м начинает писать «Капитанскую дочку», в 1834-м — «Историю Пугачева», в 1835-м «Сцены из рыцарских времен».

В 30-е годы на пути Пушкина-реалиста уже нет такого сильного противника, каким в 20-х годах был декабристский романтизм. Наоборот, учениками Пушкина становятся такие гениальные реалисты, как

³⁶ См.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. М., 1951.

Гоголь, Лермонтов. В те же годы у Пушкина учится мастер социальнопсихологического романа Гончаров, а впоследствии и величайший из реалистов русской классической литературы — Лев Толстой.

Русская реалистическая литература от Пушкина и до паших дней прошла долгий и славный путь. И подобно тому, как в переходе великого Пушкина и его единомышленника Грибоедова от декабристского романтизма к новому реализму решающей силой была сама жизнь, так и в дальнейшем развитии реализма этот фактор останется определяющим. В ту меру, в какую сама русская жизнь еще не освобождалась от тех или иных исторических ограничений, нес в себе ограничения и художественный реализм. В ту меру, в какую жизнь освобождалась от исторических насилий и пут, расцветал и реализм.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила грань между всем прошлым и современностью. Из социалистической революции и социалистического строительства растет новый, качественно иной реализм—реализм социалистический.

Но и в эпоху социалистического реализма, в эпоху строящегося коммунизма советская культура бережно принимает, хранит, изучает и осваивает великое реалистическое художественное наследие Пушкина и его сподвижника Грибоедова.

